

Дальнейшее развитие определение немеждународного вооруженного конфликта получило в Римском статуте Международного уголовного суда. В соответствии со статьей 8(2)(f), Статут применяется «в отношении вооруженных конфликтов, которые имеют место на территории государства, когда идет длительный вооруженный конфликт между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между самими такими группами». В то же время сохранена оговорка о том, что Статут не применяется к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или иные акты аналогичного характера. Как видим, Римский статут ушел от жестких критериев Дополнительного протокола II.

Республика Беларусь является участником Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г. Беларусь не является участником Римского статута. Однако необходимо отметить, что не существует обязанности применять исключительно критерии, упомянутые в Дополнительном протоколе II для квалификации вооруженного конфликта немеждународного характера. Данный протокол определил ситуации, в отношении которых он применяется, однако он не содержит требования применять это определение во всех конфликтных ситуациях. Можно сделать вывод, что в зависимости от ситуации, вооруженный конфликт может регулироваться одним либо несколькими упомянутыми в данной статье международно-правовыми документами, либо не подпадать ни под один из них.

Какое же из определений выбрать в конкретной ситуации, при оценке ходатайства о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты? Представляется, что здесь применим один из принципов права беженцев — толкование сомнений в пользу заявителя. Лицо, ищущее убежище, находится в заведомо неравноправном положении по отношению к государственным органам, рассматривающим его заявление. Данный принцип применяется в отношении утверждений заявителя, которые невозможно подтвердить либо опровергнуть. Однако представляется, что применение его возможно и необходимо и для выбора критериев при оценке объективной ситуации в стране происхождения заявителя. Это соответствует принципу справедливости, который является не только категорией морали, но и права. На практике это означает, что в случае сомнений относительно наличия ситуации вооруженного конфликта немеждународного характера для целей предоставления дополнительной защиты следует использовать тот набор критериев, который является более благоприятным для заявителя. На сегодняшний день это критерии, разрабатываемые международными уголовными судебными учреждениями.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО МОМЕНТА ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПРАВОВОМЕРНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООБОРОНУ

Синицына Ю. В., Белорусский государственный университет

В доктрине международного права в настоящее время существуют разногласия в определении начального момента вооруженного нападения, с которого государство-жертва может правомерно применять свое право на самооборону. Цель настоящего исследования в определении начального момента вооруженного нападения, достаточного для применения вооруженной силы в ответ на противоправные действия нападающего государства.

Мнения по этому поводу разделились. Одни исследователи (Р. А. Мюллерсон, Д. Дж. Шеффер, Э. Хименес де Аречага, Н. В. Прокофьев) считают, что для реализации права на самооборону достаточно явных приготовлений к вооруженному

нападению, развертывания и иных его начальных стадий. Они рассматривают вооруженное нападение как многоступенчатый процесс, указывая, что приготовление является начальным этапом многоступенчатого нападения. При этом говорится, что на государство ложится бремя доказывания необходимости вооруженного ответа. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с этой позицией, поскольку под видом приготовления, как первого этапа в многоступенчатом нападении, осуществляется попытка прикрыть упреждающие и превентивные действия, применение которых является незаконным. Кроме этого отсутствуют утвержденные оценочные категории для определения достаточности того или иного приготовления для применения вооруженной силы. Ответом для таких заявлений может служить мнение Г. Гроция, который отметил, что «если сосед строит на границе крепость, могущую причинить ущерб другому соседу, то нужно прибегать к ответным сооружениям».

Близким к первому является подход к этому вопросу профессора Й. Динштайна, придерживающегося концепции перехватывающей самообороны (*interceptive-self defense*). Согласно этой концепции, самооборона возможна уже на этапе определенных действий, после которых практически уже не возможно остановить вооруженное нападение, хотя неблагоприятные действия на территории государства-жертвы еще не проявились. Эту точку зрения развивает профессор К. Уарбик, определяя начало вооруженного нападения уже с момента, когда военный флот покидает порт базирования, эскадрилья самолетов — аэропорт базирования, а наземные войска начинают выдвижение к цели. С позиций этих ученых согласен также А. С. Орбелян, с оговоркой, что прежде чем приступить к ответным военным действиям, государство должно предпринять все доступные при ограниченности во времени невоенные меры для предотвращения нападения и его последствий. Однако Международный суд ООН в своих решениях придерживается иного мнения. Так, в деле «Никарагуа против США» (1986) Суд установил порог интенсивности применения военной силы на уровне «простого пограничного инцидента» (включающие и перечисленные К. Уарбиком случаи, а также дислокацию войск у границы, постройку укрепительных сооружений и т. д.), которые не создают права на самооборону по смыслу статьи 51 Устава ООН.

Российская же доктрина (Л. А. Скотников, С. Котляр) придерживается очень узкого толкования легитимности применения силы: при наличии даже явных приготовлений, но в отсутствие как такового вооруженного нападения с его последствиями поводом для вооруженного ответа признает объявление войны. Все остальные случаи явных или скрытых приготовлений рассматриваются как угрозы, упреждающие и превентивные действия ответ на которые возможны только с санкции Совета Безопасности ООН. Как верно указывается, подобные действия являются основанием обращения лишь к подготовке отражения возможного нападения, введения специального режима, мобилизации сил, извещения Совета Безопасности ООН.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, единственно правомерной является самооборона в ответ на свершившееся вооруженное нападение, куда входит объявление войны. Запуск ракеты в отношении государства жертвы также является вооруженным нападением, последствия от которого можно оценить, а к ответным мерам, таким как ликвидация ракеты еще в полете, можно применить критерии соразмерности и необходимости. Правильность этих выводов подтверждается положениями Устава ООН (ст. 51), статьями 2–3 Определения Агрессии 1974, пунктами 190–191 Доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам и др., в которых ничего не говорится о включении в понятие вооруженного нападения развертывания вооружений, наличия достаточного военного потенциала и т. п.

Более того, право на самооборону и понятие вооруженного нападения в иной трактовке ведет к потере смысла принципом неприменения силы. Республика Беларусь должна выступать за то, чтобы в указанных выше случаях государства

обращались в Совет Безопасности ООН. Поскольку в 2003 г., начав военную акцию в Ираке, мир уже уверяли в 100 %-ном существовании оружия массового уничтожения в Ираке, которая потом не подтвердилась.

РОЛЬ И МЕСТО ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Синкевич С. А., Белорусский государственный университет

На современном этапе сложилась ситуация, когда Движение неприсоединения (ДН), исходя из своей численности (118 стран), исключительно по инерции продолжает претендовать на значимую роль в мировых процессах с точки зрения защиты политических интересов развивающихся стран, но на практике уже давно находится на обочине мировой политики в силу архаичности используемых инструментов для реализации этих принципов.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что Движение — это фактически мертвое объединение с точки зрения влияния на мировые процессы. Причины очевидны, и их можно назвать несколько.

Во-первых, мир стал глобальным, и многие межгосударственные барьеры между странами в мировых масштабах попросту утратили свою актуальность. В течение 1990-х гг. в мире образовалось одновременно несколько полюсов, объединяющих вокруг себя отдельные государства или сравнительно небольшие группы сопоставимых по географии, населению либо экономической мощи стран. Затем эта многополюсность сменилась на монополюсное лидерство США в мировых делах. Стремительное развитие научно-технического прогресса и стирание идеологических барьеров привели к усилению взаимосвязи и взаимозависимости мира.

Во-вторых, Движение не смогло сменить приоритеты и адаптироваться к новым мировым требованиям. Движение неприсоединения постепенно все более пересекается в сферах своей деятельности с Группой 77, которая изначально была создана для решения проблем социально-экономического блока, имеет опыт, четкую структуру и бюджет для лоббирования экономических приоритетов развивающихся стран. Проблема была формально решена путем создания Совместного координационного бюро Движения и Группы 77, которое, хотя и собирается по мере необходимости, но реально не определяет никаких стратегических задач, концентрируя свое внимание в основном на текущих оперативных вопросах. Да и логически перенос экономического измерения в ДН был не безупречен — почти все члены Движения автоматически являлись членами Группы 77.

В-третьих, изменилась природа конфликтов. Помимо серьезного снижения степени воздействия Движения на процесс миротворчества и разрешения конфликтов, находящихся в зоне его влияния, за последние годы наметился серьезный раскол внутри ДН относительно других важных вопросов. В частности, Движение так и не смогло обеспечить внутреннего единства по блоку разоруженческих вопросов в связи с претензиями отдельных его членов, прежде всего Индии, Пакистана, Ирана и др., на особый ядерный статус. В рамках Движения неприсоединения не достигнут консенсус и по наиболее актуальной проблеме современности — борьбе с терроризмом, поскольку мнения государств — членов ДН расходятся уже по самому понятию «терроризм»: группа государств — прежде всего, арабские страны — под влиянием событий на Ближнем Востоке не считает терроризмом действия, направленные на борьбу за независимость.

Отсутствие единства Движения по ряду ключевых аспектов современных международных отношений и внутренние противоречия стали, таким образом, наиболее характерной чертой его нынешнего этапа развития. Часто и открыто употребляется антизападную риторику, на практике большинство из этих стран являют-